

===== ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГРАЖДАНСКОГО =====
===== ПРАВА И ПРОЦЕССА =====

УДК 347.1

Виниченко Ю.В.*

**НЕПРАВОМЕРНОЕ ВВЕДЕНИЕ ОБЪЕКТОВ
В ГРАЖДАНСКИЙ ОБОРОТ: ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ**

Виниченко Ю.В. Неправомерное введение объектов в гражданский оборот: проблема понимания. – Статья.

На основе анализа законодательных и доктринальных положений, правопримени- тельной практики обосновывается тезис о том, что формулировки «правомерное (непра- вомерное) введение в гражданский оборот» не согласуются с признанным в российской цивилистике пониманием гражданского оборота, в связи с чем делается вывод о необхо- димости изменения трактовки категории «гражданский оборот».

Ключевые слова: гражданский оборот, объекты гражданского оборота, введение в гражданский оборот, неправомерное введение объектов в гражданский оборот.

Vinichenko I.V. The wrongful introduction of objects into civil turnover: the problem of understanding. – Article.

Based on the analysis of the norms of civil legislation of the Russian Federation, the provisions of the doctrine and practice the thesis that the terms «legitimate (wrongful) introduction into civil turnover» is not consistent with the accepted in the Russian civil law understanding of the civil turnover is substantiated. In this regard it is concluded that the interpretation of the category «civil turnover» must be changed.

Keywords: civil turnover, objects of civil turnover, the introduction into civil turnover, illegal introduction of objects into civil turnover.

Виниченко Ю.В. Неправомірне введення об'єктів в цивільний оборот: проблема розуміння. – Стаття.

На підставі аналізу законодавчих та доктринальних положень, правозастосовчої практики обґрунтовується теза про те, що формулювання «правомірне (неправомірне) введення в цивільний оборот» не узгоджуються з визнанням в російській цивілістиці розумінням цивільного обороту, у зв'язку з чим робиться висновок про необхідність зміни трактування категорії «цивільний оборот».

Ключові слова: цивільний оборот, об'єкти цивільного обороту, введення в цивільний оборот, неправомірне введення об'єктів в цивільний оборот.

* **Виниченко Юлия Варздатовна** – докторант Байкальского государственного универси- тета экономики и права, кандидат юридических наук, доцент.

В действующем российском законодательстве выражение «неправомерное введение объектов в гражданский оборот» непосредственно не используется. Вместе с тем в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) закреплены нормы, содержащие такие формулировки, как «правомерно введенные в гражданский оборот», «правомерно введены в гражданский оборот»*, подразумевающие, на наш взгляд, наличие случаев, когда определенные объекты вводятся в гражданский оборот неправомерно. В первую очередь, в данной связи возникает вопрос о соответствующих таким ситуациям правовых последствиях, чем и обусловлена необходимость доктринального анализа вопроса, вынесенного в заглавие настоящей работы.

Представляется бесспорным, что неправомерное введение в гражданский оборот не должно восприниматься лишь как отсутствие условия (правомерного введения), предусмотренного гипотезой регулятивной нормы и необходимого для наступления установленных «нормальных» правовых последствий. Столь

же очевидно, что, являясь неправомерным, оно должно приводить в действие охранительные правовые нормы, правильное применение которых, в свою очередь, требует определенной ясности в вопросе о том, что следует понимать под неправомерным введением объектов в гражданский оборот.

Исследование указанного вопроса целесообразно начать с рассмотрения более общего понятия «введение в гражданский оборот»** , значимость которого обусловлена характеристикой соответствующего данному понятию явления как юридического факта, то есть такого факта реальной действительности, с которым нормы права связывают наступление юридических последствий [1, с. 101]. Существо этого факта реальной действительности заключается в том, что в гражданский оборот включаются («вводятся», появляются впервые) новые, ранее отсутствовавшие в нем, объекты.

Следует уточнить, что с позиций видовой характеристики введение объекта в гражданский оборот как юридический факт следует относить к числу юридических фактов-действий, традиционно противопоставляемых событиям как фактам, не зависящим от сознания и

* Данные формулировки используются в п. 2 ст. 1274 ГК РФ, в котором говорится о том, что «в случае, когда библиотека предоставляет экземпляры произведений, *правомерно введенные в гражданский оборот* (здесь и далее по тексту курсив наш. – Ю. В.), во временное безвозмездное пользование, такое пользование допускается без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения»; в ст. 1344 ГК РФ, которая гласит: «Если оригинал или экземпляры произведения, обнародованного в соответствии с настоящим параграфом, *правомерно введены в гражданский оборот* путем их продажи или иного отчуждения, дальнейшее распространение оригинала или экземпляров допускается без согласия публикатора и без выплаты ему вознаграждения».

** Используемого, в частности, в подп. 1 п. 2 ст. 1358, подп. 6 ст. 1359, подп. 2 п. 2 ст. 1454 ГК РФ. О введении в гражданский оборот говорится и в иных статьях ГК РФ, содержащих такие формулировки, как: «введены в гражданский оборот» (ст. 1272, 1325, 1344, п. 2 ст. 1421, подп. 6 ст. 1422, ст. 1487), «вводятся в гражданский оборот» (подп. 1 п. 2 ст. 1484, подп. 1 п. 2 ст. 1519), «с введением в гражданский оборот» (подп. 3 п. 2 ст. 1484, п. 2 ст. 1486, подп. 2 п. 2 ст. 1519), «в целях введения в гражданский оборот» (п. 1 ст. 1302), «способы введения в гражданский оборот» (подп. 4 п. 3 ст. 1421), «дата введения в гражданский оборот» (п. 2 ст. 1457).

воли участников гражданских правоотношений. Необходимость подобной оговорки обусловлена содержанием нормы п. 2 ст. 1457 ГК РФ, анализ формулировки которой может повлечь ошибочный вывод о том, что российский законодатель относит рассматриваемый факт (наряду с фактом государственной регистрации) к числу событий*.

Что касается правовых последствий введения объекта в гражданский оборот, то они обусловлены характером соответствующих действий, а именно их характеристикой как правомерных либо, напротив, неправомерных.

Из анализа положений ГК РФ следует, что в случае правомерности действия по введению в гражданский

* Данная норма гласит: «Срок действия исключительного права на топологию исчисляется либо со дня первого использования топологии, под которым подразумевается наиболее ранняя документально зафиксированная дата введения в гражданский оборот в Российской Федерации или любом иностранном государстве этой топологии, или интегральной микросхемы, в которую включена эта топология, или изделия, включающего в себя такую интегральную микросхему, либо со дня регистрации топологии в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности в зависимости от того, какое из указанных *событий* наступило ранее». Полагаем, что под событиями законодатель имел в виду даты, действительно являющиеся событиями, – день первого использования (введения в гражданский оборот) и день государственной регистрации топологии. Вместе с тем ключевое значение при этом имеет сопоставление не просто двух объективно наступивших моментов времени, а моментов совершения субъектами сознательных (причем обязательно документально зафиксированных) поведенческих актов по использованию топологии или его государственной регистрации – какое из указанных действий было совершено раньше, в связи с чем имеющаяся формулировка п. 2 ст. 1457 ГК РФ в данной части нельзя признать удачной.

оборот оно выступает основанием возникновения у лиц, не являющихся обладателями исключительных прав на интеллектуальную собственность, права на свободное (без согласия правообладателя и без выплаты ему вознаграждения) использование и распространение объекта «чужого» исключительного права (ст. 1272, п. 2 ст. 1274, ст. 1325, 1344, подп. 6 ст. 1359, подп. 6 ст. 1422, подп. 3 ст. 1456, ст. 1487 ГК РФ). При этом возможности самого правообладателя ограничиваются. В частности, применительно к отдельным видам интеллектуальной собственности правомерное введение в гражданский оборот их материальных носителей (оригинала либо экземпляра произведения или фонограммы, товаров, на которых использован товарный знак) влечет так называемое исчерпание права, то есть прекращение способного лишь к однократной реализации права на распространение материального объекта (ст. 1272, 1325, 1487 ГК РФ). Соответственно, в том случае, когда введение объекта в гражданский оборот представляет собой неправомерное действие, с ним должны быть связаны качественно иные правовые последствия.

Идея законодателя, отраженная в формулировке «правомерное введение в гражданский оборот», в целом понятна и заслуживает поддержки: введение тех или иных объектов в гражданский оборот должно осуществляться либо непосредственно правообладателем, либо с его согласия. В противном случае введение в гражданский оборот следует оценивать как неправомерное: в абз. 3 п. 1 ст. 1229 ГК РФ в качестве общего правила прямо установлено, что если исполь-

зование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации осуществляется без согласия правообладателя, то оно является незаконным и влечет ответственность. В данной связи следует уточнить, что о введении в гражданский оборот в ГК РФ говорится применительно именно к такому правомочию исключительного права на объекты интеллектуальной собственности, как использование (которое относится к самим охраняемым объектам; к исключительным правам на охраняемые объекты относится другое правомочие – распоряжение).

Однако формулировки «правомерное (неправомерное) введение в гражданский оборот», на наш взгляд, не согласуются с понятием *гражданского оборота* как оборота не самих объектов гражданских прав (вещей, результатов интеллектуальной деятельности и т.д.), а субъективных прав (и обязанностей) на них. Указанное понятие гражданского оборота следует из анализа ст. 129 ГК РФ* и является широко признанным в российской цивилистической доктрине [см., например: 3, с. 76; 4, с. 26; 5, с. 114]. Полагаем, что с таких позиций введение объекта в гражданский обо-

рот не может быть «правомерным» или «неправомерным» – оно либо есть, либо его нет. Иными словами, либо действие субъекта по введению определенного объекта в гражданский оборот влечет соответствующий правовой результат, либо не влечет его ввиду неправомерности поведения действующего субъекта.

В то же время законодатель не может игнорировать те ситуации, которые фактически существуют на практике, когда некто, формально действующий как управомоченный, в действительности таковым не является, но тем не менее производит (создает), продает или иным образом отчуждает либо предлагает к продаже определенные блага. Учетом этих жизненных обстоятельств, как представляется, обусловлены и оговорки о «правомерном» введении в гражданский оборот, и законодательное закрепление стоящих с ними в одном ряду по своей условности норм о недействительных сделках. Но в таком случае и само понятие гражданского оборота требует корректировки в части включения в него в качестве объектов не только субъективных прав и обязанностей, но и материальных субстанций. Аргументом в пользу такого решения может быть и планируемое законодательное признание в России фактического владения [6].

В данной связи нельзя не обратить внимания также на то, что практически во всех нормах, в которых используется выражение «введение в гражданский оборот», указываются именно материальные объекты, в которых выражены охраняемые результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации: товары (п. 2 ст. 1484, п. 2 ст. 1486, ст. 1487 и др.

* В которой общее правило *оборотоспособности* объектов гражданских прав закрепляется посредством установления возможности *отчуждения* или *перехода* этих объектов, при том, что такое отчуждение или переход могут осуществляться в порядке *правопреемства*. Нельзя не отметить, что положения ст. 129 ГК РФ позволяют вывести нормативное определение понятия «оборот», а не «гражданский оборот». Однако нуждающиеся в разграничении с позиций доктрины (как соотношение родового и видового) при толковании гражданско-правовых норм данные понятия, на наш взгляд, должны рассматриваться как тождественные. Подробнее об этом см.: [2, с. 52-54].

ГК РФ); продукт, в котором использованы изобретение или полезная модель, либо изделие, в котором использован промышленный образец (п. 2 ст. 1358, пп. 6 ст. 1359 ГК РФ); семена, животные, растительный или племенной материал (п. 2 ст. 1421, пп. 6 ст. 1422 ГК РФ); оригинал или экземпляры опубликованных произведений либо фонограммы (ст. 1272, п. 2 ст. 1274, ст. 1325 ГК РФ); интегральные микросхемы с топологией (пп. 3 ст. 1456 ГК РФ) и т.д. Об этом свидетельствует и судебная практика, в материалах которой указывается на введение в гражданский оборот отдельных жилых помещений в коммунальной квартире, недвижимого имущества и проч.* Причем, как видно из приведенных примеров, понятию «введение в гражданский оборот», несмотря на использование его в нормах, закрепленных в части четвертой ГК РФ, посвященной правовой регламентации интеллектуальной собственности, правоприменителем вполне оправданно придается общеотраслевое значение.

В числе возможных способов введения объектов в гражданский оборот в законодательстве применительно к отдельным видам объектов прямо указаны: продажа или иное отчуждение, ввоз на территорию России, изготовление, производство, применение (внедрение), предложение о продаже, демонстрация на выставках и ярмарках

* См.: постановление Конституционного Суда РФ от 3 ноября 1998 г. № 25-П; постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 27 октября 2005 г. № А58-3881/04-Ф02-5278/05-С2; определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 октября 2011 г. № ВАС-13314/11 // Здесь и далее доступ к материалам судебной практики из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>

(ст. 1358, 1359, 1484, п. 2 ст. 1519 ГК РФ). На этом основании следует признать, что введение в гражданский оборот может осуществляться в том числе и производством (созданием) материальных объектов, а не только их отчуждением**. Исходя из того, что перечисление указанных способов завершается выражениями «или иным образом вводятся в гражданский оборот», «иное введение в гражданский оборот», можно заключить, что данный перечень не является исчерпывающим. Представляется, что в первую очередь его следует дополнить таким способом, как государственная регистрация, касающимся введения в гражданский оборот патентных прав и прав на средства индивидуализации, эмиссионных ценных бумаг, а также недвижимых вещей***.

Анализ названных способов введения в гражданский оборот позволяет

** При том, что сам гражданский оборот связывается в доктрине исключительно с отношениями «динамики» и определяется как «*процесс перехода объектов гражданских прав*» [7, с. 44]; «совокупность случаев смены носителей субъективных гражданских прав» [3, с. 76]; «юридическая форма экономического оборота, отражающая *процесс перехода субъективных имущественных прав участников гражданских правоотношений*» [8, с. 6]; «*движение вещей и требований, но наряду с ними и движение прав*» [9, с. 40].

*** Так, например, в постановлении ФАС Восточно-Сибирского округа от 27 октября 2005 г. № А58-3881/04-Ф02-5278/05-С2 по иску о признании права хозяйственного ведения на незавершенное строительством здание и истребование данного имущества из чужого незаконного владения было указано, что «...право собственности на вновь создаваемое недвижимое имущество, подлежащее государственной регистрации, возникает с момента такой регистрации. Таким образом, именно с этого момента недвижимое имущество включается в гражданский оборот и может являться предметом различных сделок».

условно разделить их на две группы: 1) *фактические* действия (например, ввоз на территорию РФ, изготовление и проч.), посредством которых в гражданский оборот могут быть введены только материальные объекты; 2) *юридические* действия (продажа или иное отчуждение, предложение о продаже, государственная регистрация), относящиеся уже не столько к самим материальным благам, сколько к способным к гражданскому обороту (в смысле ст. 129 ГК РФ) субъективным правам.

Полагаем, что неправомерно могут быть совершены любые из указанных действий. В развитие данного положения рассмотрим вопрос о неправомерном введении в гражданский оборот субъективных прав. Современный российский правопорядок дает основания полагать, что это возможно. В частности, имеется в виду государственная регистрация вещных прав на юридически дефектные объекты недвижимости, становящиеся впоследствии предметом гражданско-правовых сделок. Известна практика российских судов, которые, стремясь защитить так называемых дольщиков, в целом ряде случаев выносят решения о признании права собственности на жилые помещения, расположенные в построенных, но не введенных (в том числе, по причине самовольности постройки) в эксплуатацию многоквартирных домах*. Другим примером могут быть

случаи незаконного отвода и изменения правового режима земельных участков. Несмотря на то, что последующая государственная регистрация прав на подобные объекты формально осуществляется на законном основании (на основе судебного решения, акта органа государственной власти), сама дефектность появления соответствующих объектов определяет изначальную порочность прав на них, которые, таким образом, должны рассматриваться как ставшие объектами гражданского оборота неправомерно. Данный вывод отчасти подтверждает предусмотренная законом возможность оспаривания решения о государственной регистрации и основанного на ней признания субъективного права на определенный объект (например, абз. 2 п. 1 ст. 2 федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»**, ст. 1248, 1252, 1398, 1441, 1512, 1535 ГК РФ).

Риски возможных неблагоприятных последствий (например, в связи с решением о сносе самовольной постройки либо об изъятии незаконно предоставленных земельных участков) при этом всецело возлагаются на третьих лиц (последующих приобретателей)***, а

недвижимости, правом собственности (в том числе долевой) на возводимое за их счет недвижимое имущество» (абз. 2 п. 4 постановления Пленума ВАС РФ от 17 июля 2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 9).

** СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3594.

*** Зачастую даже не подозревающих, что институт государственной регистрации в России выполняет скорее информативную (а не порождающую) функцию: как указано в п. 52 Постановление Пленума Верховного Суда

* В связи с этим Пленум ВАС РФ разъяснил, что «положения законодательства об инвестициях (в частности, статьи 5 Закона РСФСР «Об инвестиционной деятельности в РСФСР», статьи 6 Федерального закона «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений») не могут быть истолкованы в смысле наделения лиц, финансирующих строительство

сама проблема переносится в плоскость судебного разрешения споров, что представляется принципиально неверным. Если говорить об этом с позиций ответственности, то даже, например, возмещение застройщиком убытков приобретателю самовольной постройки вряд ли будет являться ответственностью именно за неправомерное введение объекта в гражданский оборот, поскольку такое введение имело место в момент государственной регистрации права. Выход из указанной ситуации, как представляется, не может быть осуществлен исключительно силами правоприменения, на сегодняшний день вынужденного и способного лишь нивелировать последствия неадекватного интересам общества законодательного регулирования, в то время как действительное решение данной проблемы заключается в устранении ее причин, что является прерогативой публичного права и связано с правовой политикой государства.

Другим, возможно, менее спорным, примером неправомерного введения в гражданский оборот субъективных прав может быть заключение лицом, не управомоченным на передачу права, предусмотренного ст. 1285 и 1234 ГК РФ договора об отчуждении исключительного права на произведение.

На первый взгляд, ввиду отсутствия права отчуждатель не может перенести это право на другого участника гражданского оборота. В то же время

РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (Вестник ВАС РФ. 2010. № 6), «государственная регистрация является единственным *доказательством существования зарегистрированного права*».

ст. 1257 ГК РФ закрепляет презумпцию авторства, в соответствии с которой при отсутствии доказательств иного автором произведения считается лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения. До момента опровержения данной презумпции неуправомоченный отчуждатель формально будет считаться автором произведения и, таким образом, первоначальным обладателем исключительных прав (п. 2 ст. 1255 ГК РФ)*, в связи с чем соответствующий (исначально ничтожный**) договор должен

* На это указано и в п. 42 постановления Пленума ВС РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (Вестник ВАС РФ. 2009. № 6): «При рассмотрении судом дела о защите авторских прав надлежит исходить из того, что пока не доказано иное, автором произведения (обладателем исключительного права на произведение) считается лицо, указанное в качестве такового на экземпляре произведения». Данная презумпция, очевидно, призвана защищать интересы авторов, освобождая их от бремени всякий раз доказывать и подтверждать свое авторство, поскольку суть правовых предположений, как известно, в том и состоит, что придает качество истинности определенным, не опровергнутым пока фактам. Вместе с тем на ее основании, на наш взгляд, по сути любой может утверждать, что именно он является автором произведения. Более того, это возможно даже в случаях, когда приобретатель исключительного права по договору, пытаясь убедиться в управомоченности отчуждателя, проверит документ, удостоверяющий личность последнего и обнаружит, что содержащееся там имя не совпадает с именем, указанным на оригинале или экземпляре произведения: при этом ничто не мешает «отчуждателю» заявить, что на материальном носителе указан его псевдоним.

** Договор об отчуждении исключительного права, заключенный не правообладателем, следует считать ничтожным, поскольку и в общих нормах п. 1 ст. 1229, ст. 1233 ГК РФ, и в

предполагаться действительным*. Следующими специальными нормами применительно к отдельным видам интеллектуальной собственности указывается, что именно правообладатель может распоряжаться исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации. Действительность подобного договора не должна ставиться в зависимость от усмотрения его сторон (в связи с чем он и подлежит квалификации именно как ничтожный, а не оспоримый) также по причине имеющего при этом место присвоения авторства (плагиата), являющегося уголовно наказуемым, следовательно, общественно опасным деянием, способным повлечь ответственность вплоть до ареста правонарушителя на срок до шести месяцев (ст. 146 Уголовного кодекса РФ). Подробнее об этом, в том числе, с позиций новой редакции ст. 168 ГК РФ см.: [10, с. 50-54].

* В юридической литературе отмечается, что презумпция авторства является легко опровержимой, так как для этого достаточно представить другой экземпляр произведения, на котором нет имени автора или указано имя другого автора (см., например: [11, с. 47]). Однако данное обстоятельство не облегчает решения вопроса об определении круга надлежащих ответчиков по соответствующим искам; кого следует признать ответственным перед действительным правообладателем за нарушение его прав – лицо, неправомерно заключившее договор об отчуждении исключительного права, или противоположную сторону по этому договору, то есть правопробретателя? Имеет ли при этом значение добросовестность приобретателя? Представляется, что она не может быть просто «отброшена» (см.: [12, с. 62, 64]), тем более что в ряде случаев законодатель непосредственно связывает с ней определенные правовые последствия (например, подп. 4 п. 1 ст. 1252, п. 1 ст. 1361, п. 2 ст. 1466 ГК РФ), в том числе, освобождение от имущественной ответственности за такое извинительное незнание лица о незаконности своих действий (п. 2 ст. 1472 ГК РФ).

По мнению А.П. Сергеева, «в условиях, когда найти основного нарушителя авторских или смежных прав и привлечь его к ответственности не всегда возможно, бремя неблагоприятных последствий должны нести те организации (типографии, заводы грамзаписи, магазины, торгующие контрафактной продукцией, и т.п.), которые своими действиями или, напротив, бездействием

довательно, исключительное право автора, являющееся предметом данной распорядительной сделки, должно считаться введенным в гражданский оборот**, хотя и неправомерно.

Завершая настоящую работу, следует признать, что некоторые из высказанных в ней положений носят дискуссионный характер. В то же время, проведенное исследование не оставляет сомнений, что вопрос о неправомерном введении объектов в гражданский оборот нуждается в серьезном осмыслении. Кроме этого, на основании изложенного можно сделать и вывод более значимого характера: понятие «введение в гражданский оборот» (как правомерное, так и неправомерное) не согласуется со сложившимся в цивилистике пониманием гражданского оборота, что свидетельствует о наличии в

также нарушили авторские или смежные права» [13, с. 369-370]. На наш взгляд, такой подход является не самым удачным, хотя, наверное, наиболее эффективным с позиций правообладателя решением проблемы защиты его прав. Прежде всего, критической оценки заслуживает деление нарушителей авторских и иных прав на «основных» и «неосновных». Кроме того, если при возложении бремени ответственности за нарушение исключительных прав руководствоваться только тем, что «найти основного нарушителя... не всегда возможно», то защита прав автора будет напоминать принцип «кто не спрятался – я не виноват!», и ситуация в сфере интеллектуального права, действительно, будет сведена до уровня «партизанских войн», о наличии которых пишут отдельные авторы (см.: [14]).

** Представляется, что при этом следует говорить и о введении в гражданский оборот материального выражения охраняемого результата интеллектуальной деятельности (оригинала или экземпляра произведения), поскольку в отсутствие передачи последнего (обеспечивающего «доступ» к произведению) приобретение субъективного права на произведение лишается какого-либо смысла.

данной области цивилистического познания проблемной ситуации и ставит перед цивилистами задачу разработки категории «гражданский оборот».

Список использованных источников

1. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А. Красавчиков // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. – М., 2005. – С. 49-241.

2. Виниченко Ю.В. О гражданском обороте исключительных прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности / Ю.В. Виниченко // Проблемы российского права : сб. науч. тр. / под общ. ред. Е.Г. Бельковой. – Иркутск, 2008. – С. 50-59.

3. Белов В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий / В.А. Белов // Объекты гражданского оборота: сб. статей / отв. ред. М. А. Рожкова. – М., 2007. – С. 6-77.

4. Красавчиков О.А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) / О.А. Красавчиков // Ученые записки СЮИ. Т. V. Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса. – М., 1957. – С. 3-27.

5. Туктаров Ю.Е. Имущественные права как объекты гражданско-правового оборота / Ю.Е. Туктаров // Актуальные проблемы гражданского права: сб. статей. Вып. 6 / под ред. О. Ю. Шиловцова. – М., 2003. – С. 101-136.

6. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской

Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации : проект федерального закона от 27 апреля 2012 г. № 47538-6 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/law/doc/gk/>

7. Астахова М.А. К вопросу о понятии гражданского оборота / М.А. Астахова // Бюллетень нотариальной практики. – 2006. – № 5. – С. 42-44.

8. Полуяхтов И.А. Гражданский оборот имущественных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Полуяхтов. – Екатеринбург, 2002. – 21 с.

9. Чеговадзе Л.А. Структура и содержание гражданского правоотношения / Л.А. Чеговадзе. – М., 2004. – 542 с.

10. Виниченко Ю.В. Отчуждение исключительных авторских прав неуправомоченным лицом: квалификация сделки / Ю.В. Виниченко. // Закон и правоприменительная практика : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 30 июня 2013 г.) / под ред. Л. А. Чеговадзе. – Нижний Новгород, 2013. – С. 50-54.

11. Ключев М.А. Доказывание авторства в гражданском судопроизводстве / М.А. Ключев. // Юрист. – 2005. – № 1. – С. 46-49.

12. Скловский К.И. Сделка и ее действие / К.И. Скловский. // Вестник гражданского права. – 2012. – № 3. – С. 4-65.

13. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : учебник / А.П. Сергеев. – М., 2007. – 752 с.

14. Дашян М.С. Изобретение, товарный знак, ноу-хау, фирменный брэнд... Партизанские войны за право быть лучшим / М.С. Дашян. – М., 2008. – 304 с.